

До основанья. Что затем?

СКАНДАЛ

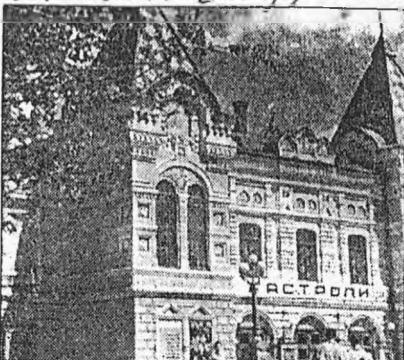
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Наверное, еще какое-то время, услышав слово "Самара", я буду вспоминать отнюдь не красивые виды из окна поезда. Не набережные, не высокие берега великой русской реки, на одном из которых возвышается, как сказочное видение, красный теремок театра. Я обречена вспоминать килограммовые папки с материалами о скандале в Самарской драме. Он не прекращается. И никому ничего невозможного доказать. И никому ничем невозможна помочь.

В Самарском драматическом театре вот уже второй год разгорается ожесточенный конфликт между частью труппы и новым художественным руководителем Вячеславом Гвоздковым. Разгорается, втягивая в свой гибельный пожар все больше и больше людских судеб.

Театр, связанный с именем режиссера Петра Монастырского – и это ни для кого не секрет, – был империей. Даже если и возникли недовольства, о них не говорилось, "диссидентствующие" или со временем смирились, или решительно изгнались. И все это продолжалось ни много ни мало четыре десятилетия. Отработав в театре сорок лет и отпраздновав свое восемидесятилетие, Пётр Львович Монастырский принял решение оставить свою – что греха таит! – разрушающуюся империю. А она действительно разрушилась, чтобы бы ни пытались доказывать сегодня артисты, которые ждали ухода Монастырского, не могли или не хотели больше работать в той эстетике, которую теперь задним числом пытаются представить единственно возможной и плодотворной.

Покидая свой театр, П. Монастырский дал интервью одной из самарских газет. То ли он настоял на таком заглавии, то ли газета захотела броско обозначить позицию режиссера, но интервью называлось "Того, кто придет после меня, вынесут вперед ногами!". Часть труппы приняла эти слова как девиз. И началась карусель, в которой на сегодняшний день ни один



здравомыслящий человек не сможет усмотреть ни логики, ни начала, ни, соответственно, конца.

В октябре 1995 года губернатор Самарской области К. Титов и руководство Комитета по культуре подписали трехгодичный контракт с режиссером Вячеславом Гвоздковым. Это имя не было новым для артистов Самарского театра – когда Гвоздков возглавлял Русский театр в Ташкенте, самарцы встретились с его труппой на гастролях в Киеве. Это было давно, но уже тогда, как говорят, у многих артистов Самарского театра возникло желание поработать с учеником Г. А. Товстоногова, пригласив его хотя бы на одну-две постановки в волжский город.

Потом Вячеслав Гвоздков работал в Санкт-Петербурге, в ряде театров Эстонии. В тот момент, когда его пригласили в Самару, у него оставались еще контрактные обязательства в нескольких театрах. Подумав над предложением губернатора, Гвоздков эти контракты прервал и согласился принять Самарскую драму, в которой уже не было художественного руководителя, а Пётр Львович Монастырский ос тавался очередным режиссером.

В подобной ситуации персонаж Зощенко непременно воскликнул бы: "Ну, думаю, началось..." – и не ошибся бы, предвидя заранее, как будут разворачиваться события. Но Гвоздков – не зощенковский персонаж, он переступил порог старого российского театра с любовью и расположением ко всем его многочисленным обитателям. Он не настраивался на кухонную драку, он хотел работать. И потому

выбрал для своего дебюта на самарской сцене беспроигрышный вариант – спектакль по Дж. Стейнбеку "О мышах и людях", который уже ставил в Эстонии с большим успехом.

Сейчас, спустя полтора года, уже не поймешь, это ли стало первым "грехом" нового художественного руководителя театра. Но часть труппы настаивает на том что именно это: не задумываясь о праве режиссера на выбор первой своей работы, Гвоздкову вменяют в вину повтор, не желая понять, что никогда ни один спектакль не может быть тиражирован – новые исполнители порой и против воли режиссера вдохнут в него новую жизнь.

Следующим "грехом" Гвоздкова стало то, что он не захотел быть единственным хозяином: в первый же год на постановки были приглашены Дмитрий Астрахан, поставивший спектакль по пьесе О. Данилова "Подари мне лунный свет", режиссер из Швеции Финн Паулсен ("Сага о маленьком дяденьке"), сам Гвоздков "доводил" постановку пьесы Л. Пиранделло "Человек, животное, добродетель", М. Каратушкин представил на суд зрителей бенефис народной артистки Веры Ершовой "Яблочная леди".

Но а еще в этот период были планы, от которых приходилось отказываться, потому что артисты, представляющие "оппозицию", просто возвращали роли, не желая играть в будущих спектаклях режиссера, чья эстетика и этика не вызывала у них доверия.

К исходу первого года контракта Гвоздкова результаты определились следующим образом: на одной чаше весов – успешно идущие его спектакли, репетиции, замыслы, планы. На другой – более десяти исков в суд, сознательный срыв работы театра, бесчисленные интервью, открытые письма, организация и финансирование поездки "собственного корреспондента" в Питер для сбора компромата на Гвоздкова, профсоюзные приказы, вывешиваемые на театральной доске едва ли не ежедневно. Пётр Львович репетирует "Долгий день уходит в ночь" Юджина О'Нила в перерывах между очередными сериями гигантского сериала под названием "Скандал".

На III съезде СТД РФ артист театра Олег Сыридов, возглавляющий оппозицию, вышел на трибуну с пламенной речью о том, что группа артистов Самарского театра ощущает себя "Зефирами и Амурами", "распроданными поодиночке". Красивая цитата Но насколько применима она к данной ситуации? Кто и кого распродает? Скандал в театре давно уже стал достоянием города, зрители по-прежнему заполняют уютный и прекрасный зал, обсуждая в антрактах не увиденное, а наязнанное средствами массовой информации.

Когда на сцене видишь артистов враждующих группировок, поверьте, становится страшно: играя любовную сцену в постановке Монастырского "Дурочка" Лопе де Веги, они в прямом смысле слова готовы броситься друг на друга с кулаками, превратив сюжет испанского класси-

ка в ситуацию все того же рассказа Зощенко.

Вряд ли кому-то это может показаться смешным. Артисты-оппозиционеры говорят, что никогда еще не были они так счастливы, как ныне, никогда не чувствовали настолько сильно свое единство, желания поддержать друг друга. Вдумайтесь, насколько дико это звучит! Ни-ког-да. Ни в работе над спектаклями, ни в человеческом общении, ни при Монастырском, ни с приходом Гвоздкова. Энергия перенаправлена в разрушительную сторону.

После съезда СТД РФ по требованию артистов Самарской драмы в город на Волге приехал председатель союза Александр Калягин. Он встречался с оппозицией, с Гвоздковым и его артистами, с сотрудниками местного отделения СТД, единодушно поддерживающими нового художественного руководителя театра, с губернатором и работниками Комитета по культуре. Всеми возможными силами пытались вновь избранный руководитель СТД привести два лагеря к примирению. Через месяц после приезда Калягина губернатор Самарской области выступил в печати с открытым письмом, в котором призывал артистов одуматься и заняться творчеством, потому что уже не только театр, но и сам город наэлектризован до предела созавшшейся атмосферой. И что же?

На открытое письмо губернатора последовало открытое письмо группы артистов (19 человек), вновь заявивших, что их позиция – "это нравственная позиция людей, которые в ответе за то, что происходит с театром... Не дай Бог, если итогом всему будет разрушенный театр!". Это письмо было соответствующим образом прокомментировано газетой: "Худа без добра не бывает. И новый виток скандала в храме Мельпомены вызвал к нему просто взрыв зрительского интереса". Это и есть, может быть, нравственная позиция оппозиции? Если так – то все нормально. Но остается вопрос: до каких же пор мы будем скандалами поддерживать интерес к культуре?

На данном этапе артисты, представляющие оппозицию, сами запутались в своих претензиях к Гвоздкову: месяц назад они говорили о несогласии в плане эстетическом, сегодня на первое место выступила этика. Месяц назад речь шла с невозможности никакого примирения ни на каких условиях – сегодня они склонны обвинить Гвоздкова в том, что он не идет навстречу. А каким образом он может это сделать?

Бюро секретариата СТД России, выслушав обе стороны, приняло решение: поддержать позицию губернатора и городских властей Самары, дать возможность Вячеславу Гвоздкову проработать в театре оговоренный по контракту срок. А еще – написать письма Петру Львовичу Монастырскому и труппе театра. Не для того, чтобы воззвать к былому опыту разделений МХАТа, Ермоловского театра, Театра на Таганке, странному, губительному опыту.

Напротив, для того, чтобы сохранить театр. Но прислушаются ли? Одумаются ли? Если бы знать...